

МАРИЯ РАТТАЦЦИ

ОСАДА

ИЕРУСАЛИМА

Мария Раттацци
Осада Иерусалима

«Остеон-Групп»

1875

Раттацци М.

Осада Иерусалима / М. Раттацци — «Остеон-Групп» , 1875

ISBN 978-5-85689-121-7

Один из лучших романов, посвященных наиболее значимой эпохе императорского Рима периода его рассвета. Это же был весьма напряженный период в жизни Иудеи, где началось вооруженное восстание против римских захватчиков. На подавление бунта были брошены римские легионы под командованием Веспасиана и Тита, которые осадили Иерусалим. Исторические источники сообщают, что на момент окружения Иерусалима римлянами в городе находилось почти 2 млн. человек, большую часть из которых составляли паломники со всего мира, собравшиеся для жертвоприношения в храме. По некоторым оценкам, во время осады города погибло около одного миллиона человек, оставшиеся в живых были порабощены римлянами. Итогом продолжительной осады стало падение иудейского царства, разрушение Иерусалимского храма, который горел 10 дней. Иерусалим был превращен в руины, Храмовая гора была распахана. Именно к этому историческому периоду относятся лучшие страницы романа Марии Раттацци.

ISBN 978-5-85689-121-7

© Раттацци М., 1875

© «Остеон-Групп» , 1875

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	18
V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Раттаци

Осада Иерусалима

I

Трирема "Артемиды" вышла из Родосского порта ранней весной 70-го года. Был вечер. Море было тихо, почти неподвижно. Ветер едва шевелил двумя большими кормовыми парусами, и волны слабо шумели под разрезавшим их носом судна. Солнце, скрывшееся в волнах, оставило на горизонте пеструю кучу розовых и красных облаков; но наступившие вскоре сумерки стерли с них яркие краски и небо сделалось белесоватым на западе, светло-голубым в зените и серым на востоке. Во время непродолжительных сумерек тысячи звезд покрыли небосклон. Морской горизонт, слегка подернутый туманом, сливался с ним по всей громадной окружности за исключением небольшого отрезка позади галеры, где на светло-голубом фоне неба чернели прибрежные горы Родоса.

Находившиеся на "Артемиде" люди, хотя и привычные к чудной картине, представляемой по вечерам небом в этих широтах, высыпали на палубу, очарованные и восхищенные, и видели в этом счастливое предзнаменование для путешествия.

Отплыв из Бриндизи в Цезарею с грузом для Восточной армии, "Артемиды" представляла собою целый мирок. Кроме 120 гребцов и матросов, латинян и сицилийцев, на ней были греки, с материка и с островов, финикийцы, египтяне, эфиопы, которых она захватывала в различных портах, к которым приставала, римские легионеры, германские, галльские и батавские союзники, отправлявшиеся на присоединение к армии Тита с многочисленными женщинами и рабами.

Здесь можно было услышать всевозможные наречия, встретить всевозможные костюмы, начиная от желтого "сагума" галла до белого бурнуса араба. Финикийские купцы, сидя с подбрюшными под себя ногами, молчали и имели сосредоточенный вид. Греки кричали, жестикулировали, рассказывали разные истории. Несколько певцов, потомков древних рапсодов, взятых на борт галеры на островах Архипелага, собирались играть на цитре. Германские солдаты собирались играть в кости. Женщины, завернувшись в плащи, растянулись на войлочных одеялах или на кипах одежды. Рабы спали на скамейках, на тюках, на сложенных парусах или на свернутых канатах. Палуба была завалена товарами, мешками, шкурами зверей, всякого рода оружием, а также различными снастями и такелажем – парусами, веслами, канатами, реями.

Среди групп, образовавшихся на палубе "Артемиды", была одна чудесная семья, глава которой, Измаил-Иосиф, был дядей Иосифа Флавия, летописца осады Иерусалима. Вместе с ним ехала его внучка Ревекка и двое слуг.

Лицо Измаила бросалось в глаза своей длинной седой патриаршей бородой и выражением лукавства и напускного добродушия, граничившего с вульгарностью. Его внучка Ревекка была поразительно красива. Ее большие, темно-синие глаза блестели каким-то диким блеском, великолепные черные брови еще более усиливали их выражение. Яркий румянец, роскошные черные волосы, выбивавшиеся из-под покрывавшего ее голову красного шелкового тюрбана, высокий, хотя и вполне женственный лоб, большой, но тем не менее красивый рот, обворожительная улыбка, чувственные розовые губы, великолепная грудь, очертания которой обрисовывались из-под складок широкой одежды, словом, все в молодой женщине было пре красно.

Одета она была в холщовый хитон, затянутый вокруг талии поясом из красной тирской кожи, а поверх его был накинут дорожный плащ, нечто вроде бурнуса, буро-красного цвета, яркий отблеск которого красиво гармонировал с темным блеском ее глаз.

Измаил-Иосиф и семейство его сели на судно в Родоссе. Как только Ревекка появилась на палубе "Артемиды", она обратила на себя всеобщее внимание. Один из офицеров воскликнул, обращаясь к одному из своих товарищей:

– Это богиня Астарта, вышедшая из пучины морской! Клянусь богами, я никогда не видел ничего подобного!

Произнесший эти слова был трибун галльского отряда Максим Галл. Отец его получил право римского гражданства во время войны Германика против варваров. Лишившись его еще в детстве, Максим Галл пошел по его стопам, будучи еще молодым человеком, обратил на себя внимание Веспасиана, которого он сопровождал в его походах в Германию, Британию и, позднее, в Африку. Желая довершить военное образование своего сына Тита, будущий римский император назначил его воспитателем Максима Галла. Веспасиану было известно, что Галл, очутившись, подобно ему самому, с самой ранней молодости в среде, представлявшей немало соблазнов для всякого, не обладающего достаточно твердым характером человека, сумел сохранить твердость души, благоразумие и осторожность.

Теперь Галл возвращался из Рима, куда Веспасиан посылал его с важным поручением. Возвращение его было ускорено событиями, готовившимися в Иудее. Тит написал ему, что нуждается в его советах для успешного ведения осадных работ. Во всей Восточной армии не было никого, кто был бы лучше знаком с использованием метательных орудий, как Максим Галл. Во время плавания он обдумывал предстоящую осаду. Но, как только Ревекка появилась на палубе судна, мысли его всецело перенеслись на молодую иудейку. Он стал допытываться у всех, что известно об этой девушке и о ее семействе? Иосиф Флавий был ему немного знаком, он не раз видел его в римском лагере и за столом у Тита. Узнав, что Флавий – родственник прекрасной девушки, он решил познакомиться с Измаилом.

Ревекка сидела на палубе, Измаил, укутавшись в свой белый плащ, прохаживался рядом с ней.

– Измаил-Иосиф, – обратился к нему Галл, останавливаясь перед ним, – я только что узнал, кто ты такой. Я хорошо знаком с Иосифом Флавием. Я люблю и уважаю его. Он друг римлян и отличается как умом, так и красноречием. Ты можешь располагать мною как мой друг.

– Благодарю тебя, господин, но скажи мне, кто ты, для того, чтобы я мог называть тебя по имени.

– Мое имя – Максим Галл. Оно, быть может, не безызвестно тебе...

Услыхав имя Максима Галла, Ревекка, остававшаяся до сих пор неподвижной, вскинула глаза на собеседника своего деда.

– Да, конечно, имя твое известно мне, – ответил Измаил. Я не раз слышал его от Иосифа Флавия. Не правда ли, Ревекка?

Ревекка утвердительно кивнула головой, но ничего не сказала.

Измаил-Иосиф принадлежал к партии саддукеев и, подобно Иосифу Флавию, принял сторону римлян. Не отличаясь возвышенностью чувств, не зная иных побуждений, кроме своей личной выгоды, иной страсти, кроме любви к богатству, лстивый и угодливый с сильными, он не признавал иного бога, кроме бога силы. Всякий римлянин был для него высшим существом. Поэтому он считал за особое счастье представившуюся ему возможность наслаждаться беседой с таким высокопоставленным лицом, как Максим Галл.

– Мне довелось, – говорил он между прочим, – беседовать с Титом. Я как будто и теперь вижу его перед собой, напоминающего Геркулеса Родосского, с его мужественным лицом.

– А душа его еще прекраснее; Рим это когда-нибудь узнает, – добавил Галл убежденным тоном.

– Мне кажется, что между твоим лицом и лицом Тита есть много общего. У Веспасиана совершенно иной тип, чем у Цезарей. Он, должно быть, не римского происхождения.

– Твое замечание делает честь твоей проницательности, Измаил, – ответил Галл, улыбаясь. – Семейство Флавия Веспасиана родом из Цисальпинской области, которая когда-то была населена галлами, моими предками.

– В тот день, когда я имел счастье всматриваться в его черты, подле меня стоял один из тех халдейских астрологов, которые умеют предсказывать будущее подобно пророкам моей родины. Это было в царствование Нерона. "Видишь, ли ты этого молодого человека? – спросил он меня, указывая на Тита. – Его ожидает блестящая будущность. Запомни хорошенько, что я тебе сейчас скажу, Измаил: судьба предназначила ему быть римским императором". – Я на другой же день рассказал об этом внушке. Не правда ли, Ревекка?

Слова о предстоящей гибели отечества, произнесенные таким равнодушным тоном, поразили ее. Измаил смутился и отвернулся в сторону; он увидел приближение бури лишь после того, как вызвал ее.

Галл, поняв то, что происходило в сердце Ревекки, поспешил сказать примирительно:

– Твой дед и твой отец иначе понимают потребности времени, и всякий удивляется их мудрости.

– Мне не пристало осуждать их в твоём присутствии.

– Ты горда и великодушна, Ревекка!

– Я всего лишь желаю остаться верной религии моей матери.

В числе свидетелей этой сцены был один человек, на которого Максим Галл не обратил внимания. Это был слуга Измаила и Ревекки, Эфраим бен Адир.

Эфраим бен Адир был молодой араб, который год тому назад поступил на службу к Измаилу-Иосифу. Ему было лет двадцать, и душа его принадлежала Ревекке. То, что он ощущал к повелительнице своей, не было чувством раба по отношению к своему господину: это было преклонение фанатика перед своим Богом.

Ревекке было известно то чувство, которое она внушила ему, и временами это пугало ее. Однако у нее не хватало решимости прогнать своего молчаливого обожателя.

Для Эфраима не проходили незамеченными ни одна из ее радостей, ни одна из ее печалей. Все чувства, волновавшие его госпожу, отзывались в душе верного слуги. Когда Измаил напомнил о предсказании халдейского астролога, он заметил негодование Ревекки. Когда Ревекка спустилась в каюту, чтобы отдохнуть, Эфраим не спускал глаз с Измаила и Галла и прислушивался к их разговору.

На следующее утро, как только Ревекка показалась на палубе, он сказал ей:

– Ревекка, хозяин решил, что ты не возвратишься в Иерусалим. Он просил римлянина содействовать ему в том.

– Хорошо, Эфраим. Все будет так, как то угодно Богу.

Через несколько дней показались берега Палестины.

Все высыпали на палубу, любясь амфитеатром Цезареи и видом Иудейских гор. Галл, Измаил и Ревекка тоже поднялись на палубу. Ревекка устремила свой взгляд на берег. Галл угадал мысли, которые волновали ее; он приблизился и поклонился ей.

– Твой дед, – сказал он, – сообщил мне, что ты отправляешься в Иудею с намерением войти в Иерусалим и что ты желаешь разделить со своими согражданами лишения осады. Хотя это намерение благородно и великодушно, но Измаил слишком тебя любит, чтобы позволить тебе осуществить его.

Ревекка, выслушав его, побледнела и произнесла твердым и спокойным голосом, бросив презрительный взгляд на Измаила:

– Мой дед поступил нехорошо, сообщив чужому то, что должно было оставаться в семье. Я не могу гневаться на тебя, так как ты, очевидно, повинешься лишь доброму чувству. Я даже благодарна тебе за твой совет. Но решение мое будет неизменно.

– Твой дед просто любит тебя и не желает, чтобы ты шла на верную смерть.

– Смерти боятся трусы, Максим Галл; я же боюсь только одного: как бы не разгневать Господа Бога и не оказаться недостойной памяти моей матери. Если Иерусалиму суждено пасть, я желаю быть погребенной под его развалинами. Предсказания должны исполниться; ведь не потекут же волны Кедрона обратно к своим источникам.

– Я надеюсь, – сказал Галл, – что ты еще подумаешь о тех опасностях, которым ты подвергла бы себя, если бы вздумала настаивать на осуществлении своего плана. Поверь, наступит день, когда ты раскаешься в том, что ты намерена теперь делать.

– Раскаиваются только в дурных поступках: а разве может считаться дурным поступком желание присоединиться к своим друзьям в минуту опасности, разделить их славу, пасть или победить вместе с ними? Наконец, меня влечет в Иерусалим сила, известная моему деду и которой я тщетно старалась бы противиться; моя мать, умирая, предсказала мне, что судьба моя будет связана с судьбой храма нашего Бога.

Корабль приближался к Цезарее. Уже можно было различить желтые береговые скалы, обрамленные темным кустарником, далеко выступавшие в море.

– Итак, твое решение непоколебимо? – спросил Галл.

– Так же непоколебимо, как и те священные горы, там вдали.

– Но подумала ли ты о препятствиях, которые тебе придется преодолеть? Ведь это нелегкое дело – проникнуть в осажденный город.

– Я надеюсь, что слабой женщине не запретят взглянуть в последний раз на храм своих предков. Я сошлюсь, в случае надобности, на расположение моего деда к римлянам.

– Но есть законы, которые сильнее, чем всякая дружба и расположение.

Ревекка взглянула на Галла и сказала ему, улыбаясь.

– Ты не всегда верно угадываешь будущее, Максим Галл. Кто знает, не ты ли сам раскроешь передо мной ворота которые, как ты теперь уверяешь, закрыты для меня.

Несколько часов спустя корабль пристал к Цезарее. Измаил, Ревекка и их слуги остановились в доме одного из своих знакомых.

Рано утром на следующий день Ревекка позвала к себе Эфраима бен Адир и сказала ему:

– Ты немедленно отправись в Иерусалим. Мне самой еще нельзя ехать туда: за мною следят. Ты отдашь это письмо Симону бен Гиоре. Письмо мое ты непременно должен отдать Симону лично. Чувствуешь ли ты себя в силах проникнуть в город и исполнить мое поручение?

– Я ничего не боюсь; твое поручение будет исполнено.

II

Изам, царь Набазеев, идумейского племени, жившего по соседству с Иерусалимом, женился на Деборе, дочери Измаила-Иосифа. От этого брака родилась Ревекка. Хотя Изам и принадлежал к семейству Ирода и был связан давнишней дружбой с Береникой, однако он был самым ярким врагом римлян. Жена его, вопреки привязанности отца своего Измаила к иноплеменникам, вполне разделяла взгляды своего мужа и сумела передать их своей дочери воспитание которой она поручила Иоанану Боэнергу, одному из самых энергичных сторонников независимости Иудеи.

Измаил-Иосиф, обожавший свою внучку, желая устранить влияние на нее семьи, считал нужным ознакомить ее с греческой и римской культурой. Он отвез ее на некоторое время к Беренике, а затем совершил вместе с ней путешествие в столицу Римской империи. Но тем не менее он не достиг своей цели. Ревекка возвращалась из Рима на родину с еще более глубокой ненавистью к римлянам и с еще более пламенной любовью к своему отечеству. Как только она узнала об осаде Иерусалима, у нее возникло только одно желание – вернуться в священный город.

Любовь Ревекки к Симону возникла не более года назад, хотя знакомы они были уже давно. Ее мать, Дебора, как и сын Гиоры, была родом из Геразы, и ее семейство давно уже находилось в дружеских и даже родственных отношениях с семейством Бен Адира. Года три тому назад Ревекка долгое время гостила в Геразе, куда ее привлекли воспоминания детства и одна, дорогая ей, могила. Там она беспрерывно слышала имя Симона, которое произносилось не иначе, как с величайшим почтением, и Ревекка вполне разделяла это уважение. Еще будучи молодым человеком, он примкнул к тем, кто боролся против римлян. Ведя жизнь, полную приключений и опасностей, вынужденный скрываться в пещерах, преследуемый римлянами и теми из иудеев, которые признавали их господство, он сумел мало-помалу стать одним из вождей и привлечь на свою сторону всю Идумею, собрать целую армию, сначала в 20, а затем и в 40 тысяч человек, взять несколько больших городов, в том числе старинный и богатый город Хеврон. В то время, когда Веспасиан был провозглашен императором, Симон пользовался уже такой громкой славой, что его призвали в Иерусалим, чтобы вручить ему власть, или по крайней мере дозволили ему завладеть ею.

Ревекка в первый раз увидела Симона за несколько недель до вступления его в Иерусалим. Он был ранен в сражении против Цереазиса, под стенами Хеврона. Будучи доставлен в Махерон, один из городов, державшихся еще против римлян, он встретил самый заботливый уход в доме бабушки Ревекки. Молодая девушка видела его ежедневно и ухаживала за ним вместе с другими членами семейства. Чувства сострадания и благоговения к нему не замедлили перейти в чувство любви.

Город Махерон был построен на высокой горе, окруженной отвесными утесами и глубокими оврагами. На запад тянулась зеленой лентой на расстояние более шестидесяти стадий узкая долина, упиравшаяся в Мертвое море. К северу и югу тянулись длинные и узкие ущелья, терявшиеся в необозримом горизонте Иудейской равнины, а на восток извивающиеся излучины узкой долины вели к остроконечной горе Навав, принадлежавшей к цепи аравийских гор.

В Махероне находился дворец, выстроенный по повелению Ирода Великого. Рядом с городом были горячие источники, отличавшиеся необыкновенной целебностью своих вод. Холодные источники были не менее целебны, чем горячие. В одном месте над пещерой, находившейся вровень с землей, выдавались, точно две большие каменные женские груди, два выступа, из которых текли две струи воды – одна холодная, другая горячая; смешиваясь, воды этих источников составляли приятные и целебные ванны.

Безопасность Махерона, считавшегося неприступным, и целебное свойство его вод были главными причинами, привлечшими сюда Симона после сражения при Цереазисе. Кроме того, у него было здесь много сторонников. В первый раз, когда он увидел Ревекку, он был поражен ее красотой. Но гораздо более сильное впечатление произвели на него возвышенность ее характера и общность взглядов и мыслей. Они ежедневно беседовали о своих печалях и надеждах; молодая девушка подействовала скорее на ум, чем на сердце Симона. Однако мало-помалу и другое чувство стало овладевать Симоном; образ его первой жены стал постепенно изглаживаться из его памяти, и он почувствовал, что душа его раскрывается для новой страсти.

Выздоровление Симона успешно подвигалось вперед; он собирался покинуть Махерон с тем, чтоб условиться со своими единомышленниками относительно нового плана восстания. За несколько дней до его отъезда Ревекка отправилась со своей служанкой Диной погулять в северную долину. Она встретила там Симона.

– Ты завтра уезжаешь? – робко спросила Ревекка Симона.

– Да, это необходимо. Друзья наши готовятся к новой и решительной борьбе.

– Я желала бы сражаться рядом с тобой, Симон: женщина не должна разлучаться с тем, кого любит. Но все равно, так как нам приходится расставаться, то я постараюсь служить тебе и издалека. А по окончании войны мы встретимся, безразлично от того, будут ли усилия твои сопровождаться успехом или нет.

– По окончании войны нам можно будет послушаться голоса наших сердец. Ты, Ревекка, красивее, чем знамена и флаги Соломона.

– Дед мой желает увезти меня в Рим; мне казалось, что я могу принести пользу Иерусалиму и сыну Гиоры, ознакомившись поближе с нашим неприятелем; я колебалась предпринять, ли мне это путешествие. Ныне, когда сердце мое отдано тебе и когда ум мой должен останавливаться только на мыслях, достойных того, кому оно отдано, моим сомнениям нет уже места. Кто знает, быть может, для того, чтобы с успехом бороться против римлян, небесполезно будет увидеть их поближе. Я увезу с собою воспоминание о тебе, как клятву в вечной ненависти к ним. Я буду лелеять его, как надежду, оно будет для меня днем освежающей сенью, ночью – живительной росой. Мой дед ненавидит тебя; я постараюсь превратить его ненависть в любовь. А если это мне и не удастся, то все же мы на всю жизнь будем принадлежать друг другу.

Когда она уезжала из Иудеи, чтобы сопровождать своего деда в его путешествии по Греции и по Италии, ей ни на одну минуту не приходила в голову мысль, что он может забыть или обмануть ее.

То, что она увидела вдали от Иерусалима, ни в чем не изменило ее чувств, не ослабило их силы. Ей казалось, что она видела одни только призраки, одни только гробницы во всех городах, которые посетила; нигде она не находила того, что она считала самыми существенными свойствами человека: энергии, веры и любви к свободе. Сравнивая Симона со всеми другими виденными ею мужчинами, она могла бы лишь тем более верить в него, если бы только малейшее сомнение в нем могло прокрасться в ее душу. Впрочем, в душе ее только и могло находить место то, что она так сильно чувствовала, а именно: любовь к Иерусалиму и та сильная и непоколебимая страсть, которая освящена Богом.

Поэтому она возвращалась из своего путешествия полная счастья и веры. Возобновление борьбы, которое, как она знала, было неизбежно, являлось, правда, темным облаком на ясной лазури ее горизонта, но это облако не касалось ее любви, которая продолжала сиять в ее сердце чистым сиянием. Ее патриотические надежды могли не сбыться, но надежда, подсказываемая ей ее любовью, не могла обмануть ее. Если "он" не достигнет своей цели, если "он" погибнет, то это может случиться только под развалинами Иерусалимского храма. А какой интерес представляла бы для нее после того жизнь? Какое она имела бы право на существование. "Он" и Иерусалим слились в ее уме в одно целое, вполне отождествились. Симон не мог бы пере-

жить падения Иерусалима; она не могла бы пережить Симона: таким образом, он и Иерусалим являлись двумя конечными точками ее судьбы.

III

Эфраим Бен Адир, покидая Цезарийский порт, видел, что город переполнен войсками; очевидно было, что они предназначались для отправления под стены Иерусалима и что они составляют только часть войск, уже отправленных вперед. Это заставило его задуматься. Если бы он поехал по большой дороге, ведущей в Иерусалим, то он рисковал быть задержанным на каждом шагу, или же вынужден был бы совершать длинные обходы, которые замедляли бы его путешествие; он мало был знаком с этой частью Иудеи, но ему отлично была знакома дорога из Яффы в Иерусалим; здесь не было ни одного кустика, ни одной лужайки, которая бы не была ему известна. Поэтому, расставшись с Ревеккой, которой он сообщил свой план и которая его вполне одобрила, он отправился в гавань, сел на попутную лодку и высадился несколько часов спустя в Яффе; а к вечеру того же дня он уже был на дороге из Яффы в Иерусалим, проходящей через богатую Сартскую долину.

В окрестностях Яффы было множество прекрасных садов, наполненных гранатными, фиговыми, лимонными деревьями и яблонями в полном цвету. Ближе к морю белый и красноватый песок был покрыт мастиковыми деревьями, пальмами, смоковницами; дальше, по мере возвышение почвы террасами, встречались оливковые деревья, белый клен, дерево, шелкунец. Над всем этим сияло чистое, лазурное небо. Всем этим красотам природы недоставало только людей, которые бы любовались ими. По случаю праздника Пасхи почти все жители этих мест отправились в Иерусалим, а так как там возобновилась осада, то они не имели возможности вернуться домой.

Но Бен Адир не пугало отсутствие людей в местности, которую он прежде знал столь населенной. Только когда он оставил долину позади и углубился в горы, суровый вид которых живее напоминает человеку его одиночество, он почувствовал какое-то смутное беспокойство, он надеялся найти в Вифлееме, где ему прежде случалось жить, помощников для своего предприятия, и теперь предвидел, что это ожидание его не сбудется.

Действительно, в Вифлееме он нашел ту же пустоту, как и в других местностях, через которые он проходил. Печальные предчувствия овладели Бен Адиром. Сначала он разыскал дом, в котором когда-то жил, он оказался запертым, и сквозь окна его Бен Адир увидел, что дом был совершенно пуст. Он обошел весь город, стучась в каждую дверь, нигде не было и следа присутствия человека. Уже приближалась ночь, и он умирал от голода, так как взятые им с собой в дорогу съестные припасы истощились; а ему не удалось даже найти ни одной сушеной винной ягоды в этом городе, где когда-то царили богатство и веселье.

– Нужно идти в Дта-эль-Нотур, – сказал сам себе Бен Адир, – быть может, я застаю там Бен Актура. Если же и он бежал, то мне не на кого более рассчитывать.

Дта-эл-Натур, или Селение Пастухов, была деревня в окрестностях Вифлеема, куда часто приходили молодые арабы, чтобы наниматься в пастухи, поэтому деревня эта и получила арабское имя. Он направился в Селение Пастухов, идя по гребню гор, покрытых виноградниками, оливковыми деревьями и кунжутными кустами.

Он не раз останавливался, прислушиваясь к разнообразным звукам, наполнявшим воздух, и стараясь различить в них хоть что-либо, что походило бы на человеческий голос; но он ничего не слышал, кроме пения птиц и воя шакала. Придя в деревню, он прежде всего постучался в дверь той хижины, в которой когда-то жил Бен Атур. Но никакого ответа не последовало; в Дта-Атуре царило то же безмолвие, как и в Вифлееме: и отсюда бежали все обитатели.

Посланец Ревекки был человек терпеливый и энергичный, пылкий и страстный: чувство страха было совершенно незнакомо ему. Одиночество и темнота хотя и не пугали его, но были ему неприятны, и его воображению стали представляться мрачные видения. Выйдя из Селения

Пастухов, он перешел через Кедронский ручей, броды которого были ему хорошо известны, и, утолив жажду, повернул направо, на восток.

Луна взошла, и при бледном свете ее все казалось ему еще более печальным и пустынным. Серые очертания гор обрисовывались на бледно-голубом небе. В промежутке между двумя горами он увидел Иерусалим, и вид священного города, города, обожаемого Ревеккой, придал ему на минуту бодрости. Но каким образом пробраться в него? Наиболее свободный доступ в город был влево от него, с западной стороны; но он узнал в Яффе, что у подножия Гинномовой горы, к западу от нового города, был расположен римский лагерь. Поэтому он решил проникнуть в город с правой стороны, пробравшись по одному из трех глубоких оврагов, защищающих его. Ему была знакома тропинка, проходившая у подножия храма, ведущая к Сионской горе и оканчивавшаяся у Овчих ворот; это был единственный путь, по которому он мог надеяться проникнуть в город. Но ему нужно было огибать гору Соблазна, чтоб добраться до горы Елеонской и до Иосафатовой долины, снова перейти через поток Кедронский, который в этом месте имел очень быстрое течение и был небезопасен для перехода в брод, если перекинутый через него мост был разрушен. Он миновал уже гору Соблазна, прошел мимо колодца Неэмии и мимо Силоамской купели, которую он оставил влево от себя, и дошел до Вианских ворот. Была уже глубокая ночь; Бен Адир едва держался на ногах от усталости, пройдя Вианию, он опустил на землю. Вдруг ему показалось, что донеслись человеческие голоса; он приподнялся и стал прислушиваться. Голоса на минуту замолкли, и до слуха Бена Адера не долетало ничего, кроме крика ночных птиц, укрывшихся в покинутых жителями хижинах Виании; но вскоре прежние звуки снова раздались, и теперь не было уже сомнения – это были человеческие голоса.

Бен Адир почувствовал, как к нему возвращаются его силы. По мере того как он продвигался вперед, звуки становились все более и более явственными. Он различил медленный и торжественный напев, свойственный духовному или надгробному пению. Теперь он мог уже в точности определить место, откуда они исходили, и расстояние, отделявшее его от этого места.

После нескольких минут ходьбы он заметил в густом кустарнике, отделявшем тропинку от довольно большого пустыря, расстилавшегося около дороги, небольшую прогалину, в которую он и пролез, и тотчас же он увидел перед собою другую тропинку, углублявшуюся в пустырь. Тропинка эта поворачивала вправо: она была чрезвычайно узка, камениста и неудобна для ходьбы; даже шакал с трудом мог бы пробраться по ней. Бен Адир последовал по ней, не сомневаясь в том, что тропинка эта ведет к жилью незнакомца.

Наконец он достиг рва оврага и очутился перед углублением, похожим на отверстие заброшенной каменоломни. В это время голос, молчавший почти все время, пока Бен Адир спускался в овраг, раздался снова. Он выходил из углубления, и на этот раз Бен Адир ясно различил громко и внятно произнесенные слова:

– Горе Иерусалиму! Горе храму! Горе городу! Горе всему народу!

Бен Адир успокоился: он знал, что находится вблизи друга, и никто лучше Зеведея – так звали пророка – не мог служить его планам. Ему было известно, что Зеведей – добрый патриот и что имя Симона бен Гиоры послужит хорошей для него рекомендацией.

Он остановился в нескольких шагах от входа в пещеру, служившей обиталищем пророку. Он собирался было войти, но Зеведей снова заговорил, и Бен Адир не мог устоять перед желанием послушать, что будет вещать Божий человек.

– Да! – говорил Зеведей. – Я не перестану до последнего дня испускать мой жалобный вопль: "Горе Иерусалиму!" Он замрет в моем горле только с последним моим дыханием, в тот день, когда язык мой сделается холоден и неподвижен. Не Ты ли велел мне это, Господи, в один вечер, когда голос мой возносился к Тебе, и разве Ты не Всемогущ, Ты, которому повинуются земля и небеса, Который двигает горами, Который одним дуновением Твоим можешь снести их, как мелкие песчинки? Ты потрясашь твердью землею и Ты в состоянии поколебать столпы

мира. Ты приказываешь солнцу – и солнце останавливается, и звезды не высыпают по ночам на твердь небесную. Перед Тобою весь мир – ничто иное, как песчинка, склоняющая весы, как капля росы, падающая по утрам на полевую былинку. И зачем, о Иерусалим, ты забыл слово Божие! Доколе ты будешь продолжать несправедливый суд! Ты не сумел быть справедливым к сироте и бедняку, к угнетенному и к несчастному и этим ты навлек на себя всеобщее осуждение; ты не захотел слушать гласа Божьего, ты всегда шествовал в потемках, и вот почему стены твои колеблются в своих основах [*Псалмы 138 и 81. – "Притчи Соломоновы"*].

В это мгновение голос пророка прервал нежный женский голос.

– Зеведей, – произнес этот голос, – тебе нужно отдохнуть. Бог отцов наших не требует от тебя утомления, превышающего твои силы и которое сократит дни твои.

– Нет, я не могу молчать, – ответил пророк, – ибо я слышал трубный звук, до меня донеслись воинские клики [*Псалом 94*]. Иегова дал мне дар слова, Он научил меня, и я должен вещать: каждое утро Он будит меня и заставляет меня выслушивать его с покорностью. Тогда в меня входит частица Его мудрости и я не бегу от возлагаемого Им на меня поручения. Я подставил спину мою ударам и ланиты мои пощечинам, и когда мне плевали в лицо, я не отворачивался.

– Зеведей, я рассержусь, если ты не станешь слушаться моих просьб Господь повелел: "не убей", а ты убиваешь дочь своего брата!

Эти последние слова, казалось, действовали на пророка. Он замолчал. И затем сказал молодой женщине нежным голосом, который составлял поразительный контраст с его недавним возбужденным тоном.

– Не сердись, дитя мое, я этого не желаю, ибо твоя мать закидала бы меня камнями, если бы я не возвратил ей неприкосновенным сокровище, которое она вручила мне. А что сказал бы Симон, сын Гиоры? Отдохни же немного, Эсфирь, а я займусь приготовлением пасхального агнца, а затем прилягу, прежде чем отправиться для исполнения моего проклятого поручения.

Бен Адир постоял еще несколько минут в надежде, что разговор между дядей и племянницей, во время которого упомянуто было имя Симона, продолжится, но там замолчали, и поэтому он тихими шагами подошел к отверстию пещеры, закрытому решеткой, окруженной кустарником.

Зеведей был старик высокого роста, несколько сутуловатый, но крепкого телосложения. Седая, включенная борода ниспадала на его грудь. На нем надет был балахон из темного полотна, подпоясанный простой веревкой. Обнаженная лысая голова его была посыпана пеплом. Когда Бен Адир вошел в пещеру, старик стоял, точно проповедник, собирающийся с мыслями после изречения божественного слова.

В одном из углов пещеры был разведен костер, на котором жарился ягненок. Это очень удивило Бена Адира.

– Кто ты, неожиданный гость? – спросил пророк, заметив Бена Адира.

– Я друг Симона бен Гиоры, – ответил Эфраим.

Зеведей окинул молодого человека с ног до головы подозрительным взглядом.

– Ты говоришь, что ты друг Симона бен Гиоры? Чем ты можешь доказать это?

– Ничем, – ответил Бен Адир твердым голосом, – а тем не менее я говорю правду.

– Если ты друг Симона, ты должен знать его. Скажи же мне, кто он таков, чем он занимается?

– Симон, сын Гиоры, – начальник защитников священного города. Он мститель Бога живого и столп Его храма.

– Хрупкий столп! – воскликнул пророк и снова заголосил: – Горе Иерусалиму! Горе его храму! Горе его народу!

Он помолчал немного, затем продолжал более мягким голосом:

– Нет ли на лице Симона бен Гиоры какой-либо приметы, которая отличала бы его от других смертных?

– Этого я не знаю, потому что никогда не видел его.

– Ты никогда не видел его, а называешь себя его другом!

– Я такой же друг ему, как и тебе, просто потому, что он любит священный город и защищает его.

– Увы! Он защищает его против самого Господа Бога, который осудил его на гибель. Горе Иерусалиму! Впрочем, не он вызвал на греховный город проклятия Всевышнего, и поэтому проклятие это не должно падать ни на его голову, ни на головы его друзей.

Пророк замолчал, устремив на Бен Адир пристальный взгляд. Затем сказал более ласковым голосом:

– Да, Симон бен Гиора внушает доверие, и друзья его имеют право на нашу дружбу. Но почему же ты на мой вопрос ответил именно тем, что назвал его имя?

– Потому что одно лицо, к которому я питаю полнейшее доверие, сказало мне, что его имя послужит мне рекомендацией при встрече со всеми, кто любит Иерусалим, а я знаю, что пророк Зеведей любит Божий град и не отвергнет тех, которые одушевлены тою же любовью, каким бы образом эта любовь ни проявлялась.

– А кто та особа, которая внушила тебе эту уверенность?

– Этого я не могу сказать.

Пророк нахмурил брови и задумался.

В эту минуту женщина, лежавшая на циновке в углу пещеры, поднялась со своего ложа. Молчание пророка встревожило ее, и она боялась, как бы тот не прогнал незнакомца, который сумел привлечь ее к себе одним только именем Симона бен Гиоры. Она подошла к Бен Адир и произнесла голосом, сладким, как надежда:

– Добро пожаловать, молодой незнакомец; моему дяде Зеведею хорошо известны законы гостеприимства.

Потому ли, что вмешательство Эсфири рассеяло сомнения пророка, потому ли, что благоприятного впечатления, произведенного с первого раза Бен Адиром, оказалось достаточно для того, чтобы напомнить ему о законах гостеприимства, но только после слов Эсфири он, в свою очередь, сказал:

– Ты мудр не по летам, молодой человек. Ты дельно говорил, но я должен сказать тебе, что ты не понял моего вопроса, когда я спросил тебя, почему ты упомянул в разговоре со мною имя Симона бен Гиоры. Я желал только знать, в каком смысле мне понять твою ссылку на него. Сердце человеческое – глубокая пропасть, ее никто не измерил, и человек, не умеющий поступать осторожно, похож на город, который не возвел стен. Старца украшает опытность; но тот, кто заткнет уши для того, чтобы не слышать просьбы убогого, тоже будет молить и не будет услышан. Я не могу ставить тебе в упрек то, что ты хранишь вверенную тебе тайну. Однако не можешь ли ты мне сказать, для чего тебе нужно видеть Симона, сына Гиорова?

– Я должен передать ему важное поручение; если мне не удастся попасть в Иерусалим, я не в состоянии буду исполнить этого поручения, и мне было бы крайне досадно что я понапрасну совершил такое длинное и трудное путешествие. Но Господь привел меня к твоему жилищу; значит, Он желает, чтобы ты служил мне путеводителем.

– Кстати сказанное слово – то же самое, что золотое яблоко и серебряный сосуд, – сказал пророк мягким голосом. – Ты нравишься мне; в тебе мудрость змея соединяется с мужеством льва. Ты не убоился опасностей, для того чтоб исполнить желание близкого тебе человека, и ты сумел избежать их. Поэтому, как сказала дочь моего брата, будь желанным гостем в жилище пророка и смело рассчитывай на его содействие. Если тебе не удастся попасть в Иерусалим, то в этом виноват будет не Зеведей. Но уже поздно. Садись, по лицу твоему видно, как ты устал. Раздели с нами нашу скромную трапезу. Бог послал мне на Пасху ягненка. Он никогда

не забывает своих верных слуг. Кто же, как не Он, поставил в кустарнике овна, который был принесен Авраамом в жертву вместо сына его Исаака!

Пещера, служившая жилищем Зеведею, представляла собою естественное углубление, которое, по всей вероятности, служило гробницей какого-то святого, разрушенной временем. Оно имело сажени две в ширину и сажени три в глубину. Стены и потолок пещеры были в трещинах. Вправо от входа видно было нечто вроде подземного хода, по которому теперь с трудом можно было пробраться ползком. Две грубые скамьи, поднос из кедрового дерева, кувшин воды и несколько стручьев гороху – вот все, что было в пещере. Светильник, поставленный на высокий камень подле костра, освещал ее слабым и тусклым светом.

Трапеза продолжалась недолго, Зеведей первый поднялся со своего места.

– Нам нужно торопиться, – сказал он, – в первом часу мы должны быть у Овчих врат.

Он приблизился к очагу, взял из него несколько пригоршней золы, посыпал ею свою голову и свою седую бороду и захватил из угла толстую палку, похожую на пастушеский посох.

– Ну, прощай, Эсфирь, – сказал он, – я принесу тебе известия о твоей матери и о Симон бен Гиоре. Отдохни хорошенько; ты устала. Когда мы выйдем, завали за нами входное отверстие и помолись за нас Господу Богу. Горе Иерусалиму и его народу!

Затем он пошел вместе с Бен Адиром по узкой и крутой тропинке, по которой тот недавно спустился. Он шел впереди, и оба они хранили глубокое молчание.

Для того, чтобы достигнуть из Вифании до Овчих ворот, через которые Зеведей хотел войти в Иерусалим, нужно было пройти через селение Веррагу, пересечь долину Иосафатову, подняться на Элеонскую гору и перейти через Кедрон. Пророк совершал этот путь ежедневно, и потому он ему был известен в мельчайших подробностях. Несмотря на свой преклонный возраст, он шел впереди быстрой поступью. Бен Адир, подкрепивший свои силы и одушевляемый надеждой вскоре добраться до цели своего путешествия, не отставал от него. Вскоре они дошли до Елеонской горы; здесь они остановились на несколько минут, чтобы перевести дух, перед ними раскинулся священный город.

В ту самую минуту, когда они достигли вершины Елеонской горы, солнце взошло из-за Аравийских гор и осветило своими лучами Мертвое море. Башни, укрепления, дворцы города осветились золотистым светом, а далее, за городом, можно было различить палатки римского лагеря. Пророк стоял неподвижно, с опущенной головой, вытянув правую руку, опираясь левою на свой посох, слезы текли по щекам его. Вдруг он выпрямился.

– Горе Иерусалиму! – воскликнул он громовым голосом, и эхо разнесло эти слова по горам и долам, точно трубный звук.

Бен Адир испугался. Он видел вдали римские палатки и боялся, как бы римляне, услышав этот крик, не схватили их.

Зеведей отгадал его мысли и сказал:

– Не бойся, я друг римлян. Доступ в Иерусалим закрыт для всех, кроме меня!

Вскоре они дошли до Овчих ворот, в которые Зеведей трижды стукнул своим посохом. Какой-то вооруженный человек показался на стене и, узнав пророка, тотчас же спустился, отворил тяжелые ворота из кедрового дерева и впустил старика и его спутника.

– Ты сегодня что-то поздно, Зеведей, – обратился он к пророку. – Уж не встретился ли ты по дороге с римлянами?

– Нет, римляне еще в своих палатках, спят, напившись вина, похищенного из погребов Израиля.

Пока Зеведей говорил, часовой подозрительно оглядывал Бен Адира.

– А это кто такой? – спросил он.

– Тебе нечего так внимательно его рассматривать: он пустил корни среди избранного народа, и тебе нет дела до того, откуда он родом. Я могу лишь сказать тебе, что он прислан сюда к Симону бен Гиоре с важным поручением от одного из наших друзей.

– Если он прибыл к Симону без оружия и с важной вестью, то ворота Иерусалима откроются перед ним, – сказал часовой.

Затем они были впущены в город. Бен Адир, поклонившись в знак благодарности часовому, повернулся было в сторону пророка, чтобы поблагодарить и его, но тот уже куда-то исчез.

IV

В этот день, когда Бен Адир вошел в город, в среде партии сопротивления должен был произойти решительный переворот. Если бы Бен Адир был ближе знаком с положением дел, то он по одному виду улиц догадался бы о том, что готовится что-то необычайное. Для того, чтобы попасть от Овчих врат в ту часть нижнего города, в которой жил Симон, ему пришлось пройти через довольно большой пустырь, отделявший место расположения войск Иоанна и Симона, и по множеству узких и извилистых переулков, шедших от самой ограды храма. Хотя был еще очень ранний час, однако мужчины, женщины и даже дети высыпали на улицы и всюду заметно было возбуждение. По случаю праздника Пасхи население Иерусалима более чем устроилось. Все иногородные не могли разместиться по домам, и потому везде виднелись тысячи палаток, сделанных из холста или из овечьих шкур.

Провожатый Бен Адир, проходя мимо групп разговаривающих о чем-то людей, неоднократно останавливался; его расспрашивали. Иногда и он осведомлялся о ходивших по городу слухах. Посланный Ревекки, убежденный в том, что все происходящее в Иерусалиме должно интересовать его госпожу, жадно присматривался и прислушивался ко всему, что его окружало. Таким образом он узнал, что между защитниками города не было согласия, что образовались уже три партии, что во главе одной стоял Симон бен Гиора, во главе другой – Иоанн Гишала, а во главе третьей – Элеазар, сын Симона, что последний занимал внутреннюю ограду храма, Иоанн – внешнюю, а Симон верхний город и значительную часть нижнего.

В то время как они проходили мимо группы вооруженных людей, сидевших на земле у входа в большую палатку, они вдруг услышали чей-то голос.

– Да, да, он изменяет нам, – сказал один из сидевших.

Силас – так звали проводника Бен Адир – остановился.

– Кто изменяет? – спросил он того, кто произнес эти зловещие слова.

– А, это ты, Силас! Но как же ты можешь спрашивать меня, кто изменяет? Кто же способен на такое преступление, кроме Элеазара, сына Симонова. Если Иоанн Гишала и Симон бен Гиора не соединятся против него – несдобровать священному городу, и мы сделаемся добычей воронов.

– Катлас прав, – вставил свое слово другой. – Элеазар принадлежит к партии первосвященника, а тот вместо того, чтобы явиться первым защитником священного храма, отрекся от своей веры и желает отдаться в рабство. Я его прежде хорошо знал. Элеазара, равно как и его наперстника Захария бен Анфикана, который так же, как и он, из священнического рода. Они оба – волки, забравшиеся в овчарню. Нужно истребить их, если мы сами не желаем умереть.

– Однако Элеазар показал себя с хорошей стороны, – заметил Силас. – Он принес нам большую пользу в первую нашу вылазку против римлян; он столько же разумен, как и храбр; у него голова и рука на месте. Ведь это он посоветовал нам держаться сначала в засаде, дать Титу дойти до Псефимонской башни и затем выйти из ворот напротив Еленинской гробницы, около Бабьей башни, с тем чтобы напасть на него с фланга и отрезать его кавалерию. И вы знаете, что его план удался: Тит с небольшой свитой оказался отрезанным от главных своих сил и чуть-чуть не попался в наши руки.

– Да и лев храбр, – ответил тот, которого называли Катласом, – а все же он животное коварное. Элеазар пристал к нам только для того, чтобы занять первое место; ныне же, обманувшись в своих честолюбивых надеждах, он идет на попятную и уже не подставит свою шкуру римлянам, ручаюсь вам в том: он из породы Иосифов и Ананиев. Дрожжи честолюбия и зависти заставили подняться в его душе тесту измены...

– Если только эти дрожжи не текут из-под пресса, – вставил свое слово один из воинов.

– Ах да, я и забыл тебя спросить, – сказал Катлас, – Расскажи-ка нам, Захарий, что тебе известно об этом человеке, которого ты однажды посетил в его берлоге.

– Верно сказано, Катлас, именно берлога, – произнес Захарий, вставая и приближаясь к Силасу. – Симон бен Гиора послал меня с каким-то поручением к этому дикому зверю; я и застал его в его пещере; вокруг него лежали пустые кувшины из-под вина. Когда я вошел, Элеазар лишь с трудом поднялся с кедрового стула, на котором он сидел согнувшись; в руках он держал большую чашу, которую выпил залпом. Некоторые из его друзей, сидевшие вокруг него, последовали его примеру.

– И эти негодяи пьют жертвенное вино, – заметил Катлас. – Для чего же он торопился немедленно по прибытии своем в Иерусалим занять внутренний храм, если не для того, чтобы наложить руку на жертвоприношения.

– То, что я видел, нисколько не опровергает установившуюся за ним репутацию пьяницы, – продолжал Захарий, – и каких же только гнусностей он не совершил, прежде чем присоединить свои силы к нашим! Так, видели, что он поджигал дома, и притом не во время вылазок против римлян, а во время нападений своих на Симона и несмотря на то, что дома эти были переполнены хлебом и другими съестными припасами. Таким образом он уничтожил то, что было приготовлено на время осады и что дало бы нам возможность продлить сопротивление и, быть может, заставить неприятеля снять ее. Поговаривают об измене его, и, по-видимому, не без основания...

– Это так же ясно, как ясна вода из Силоамской купели, – сказал Катлас. – Чтобы в этом сомневаться, нужно бы иметь глаза, для того чтобы не видеть, и уши, для того чтобы не слышать. Он, очевидно, желает передаться римлянам.

Какая-то старуха, лежавшая до сих пор на земле, укутанная во что-то черное, услышав эти слова, вскочила на ноги и воскликнула:

– Кто говорит о сдаче римлянам! Кто осмеливается произносить такие слова! Разве храмы уже разрушены? Разве Силоамский источник иссяк? Разве родные матери пожрали своих детей?

Раздался другой женский голос, настолько же робкий и нежный, насколько первый был резок и горделив.

– Матушка, – произнес этот голос, – не вмешивайся в рассуждения мужчин. Их дело разобрать, достаточно ли мы уже пострадали, или нет; тебе не пристало подзадоривать их. Наш слух и без того днем и ночью только и поражают, что клики сражающихся, стоны раненых, вопли умирающих; глаза наши и без того ничего не видят, кроме ран, крови, непохороненных трупов, бледных и изможденных лиц, груд наваленных друг на друга тел, которых топчут ногами, которых наваливают на укрепления и которые служат укрытием сражающимся...

– Замолчи, несчастная! Что тебе, жалкой рабыне, хочется и детей твоих видеть рабами? Если их ожидает такая участь, то пусть они лучше возвратятся к тому ничто, из которого они только что вышли.

– Молчите, женщины! – закричал Катлас, который был мужем одной из них и сыном другой. – А ты, Силас, если увидишь Симона бен Гиору, не забудь сказать ему, что он может рассчитывать на нас и что слезы наших женщин не ослабят нашего мужества.

Слово "измена" переходило из уст в уста. Бен Адир заметил даже, что оно стало произноситься все чаще и чаще по мере того, как они приближались к ставке Бен Гиоры.

Предводитель "непримиримых" занимал со своими войсками большую часть Иерусалима: верхний город, большую стену, господствовавшую над Кедронской долиной, часть старой стены, тянувшейся от Силоамской купели до дворца Монобаза, царя Абухбенов, а также часть нижнего города до дворца Елены, матери Монобаза. Здесь же был и дом Симона, который частью был похож на дворец, частью на цитадель. Цитадель эта была построена на отвесной скале 60 футов вышины, что делало ее недоступной со всех сторон. Скала была облицована

белым мрамором, столь гладким и скользким, что по нему нельзя было ни подняться, ни спуститься. Главная башня была окружена стеной, имевшей 80 футов в окружности. По четырем углам стояли четыре другие башни, образуя собою четырехугольник; три из них имели по 80 футов высоты, а четвертая – 120; эта последняя господствовала над горой и двумя долинами уходившими на восток.

Внутренность жилища вполне соответствовала обстановке дворца. Тут были роскошные покои с многочисленными ваннами, с помещениями для женщин, в которых роскошь, заимствованная у римлян, соединялась с роскошью Востока. Здесь когда-то жили и цари Иудеи, и римские губернаторы; здесь было достаточно места для довольно значительного гарнизона.

Для того чтобы добраться до жилища Симона, Бен Адиру и его спутнику пришлось пройти почти сквозь целую армию. Под начальством Симона было более 15 000 человек регулярного войска, и жители Иерусалима и Иудеи, которых он разделил на небольшие отряды в 200 человек каждый, и, кроме того, 5000 идумеян, главными начальниками которых были Солфа бен Иаков и Катлас бен Симон. Вокруг дворца Симона раскинуты были шатры из овечьих или верблюжьих шкур, а пятьдесят палаток из полосатого холста были заняты предводителями. Лагерь этот раскинут был на большом пространстве и спускался по отлогим склонам горы до Тиропейской долины, отделявшей верхний город от нижнего. К шестам, воткнутым в землю около палаток, привязаны были лошади идумеян; рядом с лошадьми лежали на земле верблюды, которым предназначено было вскоре служить пищей для их хозяев. Воины, стоявшие неподвижно с мечами у бедер и с луками и стрелами у ног своих, по-видимому, ждали какой-то команды начальников. Во всем лагере царил мрачное молчание; не было слышно ничего, кроме шагов бдительных часовых, расставленных вокруг лагеря.

Силас был хорошо известен в рядах "ревнителей", к числу которых он принадлежал; всем было известно, что он пользуется доверием Симона. Поэтому его и Бен Адиру всюду беспрепятственно пропускали; разве только бросали любопытный взгляд на его спутника. Они прошли через весь лагерь и вскоре были допущены к Симону бен Гиора В ту минуту, когда посланный Ревекки, пройдя по многим и длинным коридорам, входил в сопровождении Силаса в комнату, где был Симон, тот сидел возле мраморного стола, покрытого свертками папируса. Симон казался погруженным в глубокую задумчивость.

Увидев вошедших, он встал и пошел навстречу Силасу, не обращая внимания на Бен Адиру.

– Ну, нет ли чего новенького, Силас?

– Да вот, все говорят, что Элеазар готовит измену.

Симон стоял, скрестив руки на блестящих латах. Слова Силаса, казалось, не удивили его.

– Так ты говоришь, что все уверены в измене Элеазара? – сказал он. – Хорошо, допустим, ну а каково же твое мнение, Силас?

– Душа человеческая – потемки, – ответил Силас уверенным голосом, – я не могу читать в душе Элеазара, но я сужу по внешним признакам и невольно пугаюсь. Общий голос обвиняет его, а глас народа – глас Божий. К тому же и прошлое Элеазара таково, что оно вполне оправдывает подозрения. Все признаки, даже в глазах наименее предубежденных людей, говорят против него.

– Но ведь признаки эти могут быть обманчивыми.

– Все же благоразумие заставляет нас принимать их в соображение. Человеку, руководствующемуся благоразумием, приходится часто идти по неудобному и каменистому пути, но все же оно не приведет его к пропасти. Конечно, не мне пристало давать тебе, Симону, советы и напоминать о необходимости быть бдительным и мудрым. Я сказал достаточно, остальное – твое дело.

– Нет, продолжай, Силас, и выскажи мне все, что ты думаешь. Пути праведника верны, а ты – праведник. Слово мудреца может служить поощрением, а ты пользуешься славой мудреца.

– Хорошо, я продолжу... Кому неизвестно, как поступал Элеазар за последнее время? Он всячески добивался верховной власти, он не переставал твердить, что отданная под его начальство армия будет лучшим щитом и мечом Израиля. А теперь он говорит, что дальнейшее сопротивление немислимо, что оно было бы верхом безумия. Если он не верит в возможность сопротивления, почему же он не отказывается от начальствования? К тому же известно, что именно он велел сжечь запасы. Этого одного было бы достаточно для того, чтобы доказать его преступные замыслы... Мудрец сказал, – продолжал Силас, – "не давай сильным мира сего вина, дабы они не забыли справедливости и интересов бедных". А между тем жизнь Элеазара – непрерывная оргия; он не приходит в совет иначе, как отуманенный винными парами. Кто же виноват в наших бедствиях? Тот, кто проводит время в пьянстве, а ведь вино – это жалящая змея; оно, подобно змеиному яду, проникает в кровь и отравляет мозг. Чего ждать от того, мысли которого ежедневно тонут в опьяняющей его жидкости? Прежде чем Иоанн из Гишалы переменился, сошедшись с тобою, какое зрелище представляло его войско? Воины его наряжались, причесывались, румянились, точно женщины, и не только старались подражать в своих прическах бесстыдству суетного пола, но даже превосходили их. Их можно было видеть расхаживавшими по нашим улицам медленной и жеманной походкой. Они одеты были в тирский пурпур, а на головах у них были венки из Иерихонских роз. Не верь кутилам, которые говорят: "Давай пить, наряжаться, срывать цветы нашей молодости и увенчивать чело наше розанами прежде, нежели они завянут!" От таких людей прока не будет, они неспособны ни на что великое. Не надушенным рукам сломить тирана, не им завоевать и сохранить за собою обетованную землю!

Симон слушал его молча.

– Благодарю тебя, – сказал он наконец, вставая, – ты – добрый советник. Я поразмыслю о том, что ты сказал мне, и постараюсь воспользоваться этим. Мы раздавим голову змее. Но скажи мне, кто этот молодой человек, с которым ты пришел? Без сомнения, это друг, иначе ты не говорил бы так откровенно в его присутствии?

– Я, собственно, не знаю, кто он такой. Его привел ко мне Зеведей. Он сам объяснит тебе все.

– Ну, говори, – сказал Симон, обращаясь к Бен Адир, – кто ты такой и кто тебя послал?

– Ты узнаешь это, прочитав письмо, – ответил Бен Адир и, подойдя к Симону, вынул из-за пояса письмо Ревекки.

Между тем как Симон читал письмо, Бен Адир наблюдал за ним с тем любопытным и страстным вниманием, с которым он относился ко всему, что касалось его госпожи. Сначала ему показалось, будто какое-то легкое облачко прошло по лицу Гиоры, но затем по губам его скользнула легкая улыбка.

Окончив чтение, Симон оставался несколько мгновений погруженным в задумчивость, затем, взглянув на Бен Адир, ласково сказал:

– Ты, молодой человек, достойный и храбрый юноша. Та, которая послала тебя, хорошо знала, кому довериться. Ты вполне достоин того, чтобы содействовать великому делу, которому она посвятила себя.

Бен Адир поклонился, польщенный похвалой.

Симон встал, надел на голову шлем и собрался уходить.

– Что же мне сказать госпоже моей в ответ на ее письмо? – спросил Бен Адир.

– Пойдем с нами, ты просто расскажешь ей то, что сам увидишь и услышишь. Неприятель обложил город; дороги небезопасны. Счастье не всегда благоприятствует самоотверженным людям, и поэтому наши тайны будут лучше сохранены в твоей памяти, чем в твоём поясе, несмотря на всю твою ловкость и все твоё мужество.

И с этими словами он стал спускаться с высеченных в утесе ступенек и в сопровождении Силаса и Бен Адир, направился к храму, где его ждал Иоанн Гишала.

V

Между той частью города, которую занимал Иоанн Гишала, и той, в которой расположился со своими войсками Симон, лежал обширный пустырь. Здесь неоднократно происходили ожесточенные схватки партий до тех пор, пока под влиянием Бен Гиоры они не убедились в необходимости соединить все свои силы против римлян; но следы происходивших здесь стычек еще сохранились. Земля здесь была усеяна обломками разного рода оружия. Небольшие холмы указывали на те места, где были похоронены мертвые; кое-где еще виднелись человеческие кости. Римский амфитеатр и школа саддукеев, расположенные невдалеке от храма и служившие укреплениями Иоанну Гишале или Элеазару в дни боя, были почти совершенно разрушены; кое-где стены этих зданий были в копоты. Кругом валялись обгорелые бревна, разбитые колонны.

Это пространство являлось нейтральной почвой. Здесь собирались вожди – Симон, Иоанн и Элеазар, когда им нужно было о чем-либо посоветоваться между собой. Несмотря на сближение, следовавшее между ними, они нашли нужным сохранить ту позицию, которую они занимали до прибытия римлян; да и между войсками их сохранилась еще известная обособленность; идумяне Симона ненавидели галлилеян Иоанна. Симон пользовался авторитетом среди своих войск, и он был вполне уверен в их повиновении; но что касается Иоанна, то скорее он слушался своих подчиненных, чем приказывал им. Впрочем, его сдержанность и осторожность заслуживали похвалы, ибо достаточно было бы одной искры, чтобы произвести всеобщий пожар. Что касается Элеазара, то не одни только соображения благоразумия заставили его настаивать на том, чтоб именно ему предоставлена была защита храма: им руководили в этом случае иные, далеко не похвальные побуждения, которые и не замедлили обнаружиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.